

Красная весна

При Мао коммунизм завевал эстетику, как при Ленине — почту и телеграф

Михаил Трофименков |

ВО ВРЕМЕНА МАО коммунизм завевал умы, как при Ленине — почту и телеграф. Европу накрыла вторая волна *chinoiserie* — маниакального увлечения китайщиной. Как и в XVIII веке, европейцы объявили Восток обетованной землей грез и активно учили китайский язык — но не язык фарфора и шелка, как в эпоху рококо, а язык революции. Фарфор же их новые кумиры усердно крушили. Студенты пекинского иняза разбили надгробие великого художника Ци Байши, а памятнику «Пять баранов» в Гуанчжоу обломали рога (уцелел только один баран, до которого не дотянулись). Что поделать: «культурная революция».

Марко Белоккьо и Жан-Люк Годар назвали фильмы о бунте европейских студентов «Китай близко» (1967) и «Китайка» (1967). Годар и сам перешел на «китайский»: «Мао Цзэдун сказал, что настоящий товарищ находится там, где трудно, где противоречия особенно остры. Пропагандировать — значит поднимать вопрос. Фильм — это ковер-самолет, он может летать повсюду. Никакого волшебства. Политический труд». Нуждался в переводе на человеческий язык и маоист Сартр: «Революционное мышление рождается людьми, и люди самостоятельно могут развивать его полностью через свои действия».

Мода на красный Китай зрела лет сорок. Еще в 1920-х он казался бессильным, униженным гигантом, а междуособная резня генералов — его агонией. «Жестокий Шанхай», «Макао — игорный ад» — таким видел Китай кино. Когда появилась сила, способная прекратить беспросветный кошмар, мир замер: «Алеет Восток. Взошло солнце. В Китае родился Мао Цзэдун». Славу Андре Мальро принесла суровая поэзия «Удела человеческого» (1933): «В огромном помещении — бывшем школьном зале для игр — около двухсот раненых коммунистов ждали расстрела». Маяковский нашел свой «Лучший стих» (1927): «И гаркнул я, / сбившись / с поэтического тона, / громче / иерихонских хайл: / — Товарищи! / Рабочими / и войсками Кантона / взят / Шанхай!»

Йорис Ивенс и Роберт Капа показали миру солдат в обмотках, ватных куртках и штанах, съедающих зернышко риса в день, берущих оружие в бою. Ожившие глиняные воины из императорских гробниц: чем

больше их убивают, тем их больше. «Винтовка рождает власть!». За 25 лет тотальной войны они прошли «великим походом» (1934–1936) 10 000 километров, 12 провинций, 18 горных хребтов и 24 реки, перемололи десятки князьков-генералов, разбили японцев, загнали на Тайвань Гоминьдан, выломали врата Тибета. Потом отстояли от янки север Кореи, разожгли мятежи по всему миру и — дабы «размножить собачьи головы Брежнева и Косыгина» — штурмовали остров Даманский. Они не знали страха: «Атомная бомба — это бумажный тигр, которым американские реакционеры запугивают людей, с виду он кажется страшным, а на самом деле вовсе не страшный».

Китайские масштабы. Немыслимые — как число «десятки миллионов погибших». Как два миллиарда истребленных вредителей-воробьев. Как миллиардный, «библейский» тираж «Красной книжечки председателя Мао». Как балет «Красный женский батальон». Как миллион хунвейбинов, юных «красногвардейцев» из хороших семей, которым 18 августа 1966 года Мао, чья власть расшаталась, приказал начать тотальный погром: «Огонь по штабам!»

Никогда еще погром не был так эстетически оформлен. Китай по-прежнему был далеко: легко сказать, что Европа повелась на эстетику. На лирику Мао — «Я бедный монах, бредущий под дырявым зонтом». На то,

НИКОГДА ЕЩЕ ПОГРОМ НЕ БЫЛ

так эстетически оформлен. Китай по-прежнему был далеко: легко сказать, что Европа повелась на красоту.

На самом деле Мао делал то, о чем мечтали европейские интеллектуалы

как он мягко стелет — «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», — и на то, как чеканит — «Бунт — дело правое!». На новый агитпроп — дацзыбао, «газету, написанную большими буквами»: первую, с призывом разгромить «черную антинародную банду» ректора, вывесил 25 мая 1966 года университетский аспирант Не Юаньцзы. На 15-километровый заплыв 72-летнего Мао и 5000 энтузиастов, прыгнувших за ним в воды Янцзы.

Но дело не в эстетике. Мао определил «культурную революцию» как преобразование надстройки общества, создание новой идеологии, культуры, нравов и обычаев, низвержение буржуазных авторитетов. То есть, выражаясь по-европейски, как деконструкцию и разоблачение господствующего языка культуры. Чем европейские интеллектуалы как раз тогда и занимались. Словарь революции был для них ничейной зоной, откуда можно атаковать старый язык, не рискуя попасть к нему в подчинение. «Может ли диалектика ломать кирпичи?» — спрашивали они. И сами же отвечали: «Еще как!»

Положа руку на сердце, Мао был воистину мудр. «Великий бунт в Поднебесной достигает великого упорядочивания в Поднебесной», — сказал он. Так оно и вышло. Революция, как по мановению волшебной палочки, закончилась с арестом «банды четырех» (октябрь 1976 года), уже после смерти Председателя. Упорядоченная Поднебесная через 25 лет явила миру такую мощь, что европейским маоистам осталось только переквалифицироваться в менеджеров, заключающих с Китаем контракты.

